

Устойчивость общества после революции

Октябрь 1890, источник: [здесь](#). Перевод статьи Петра Алексеевича Кропоткина «The Permanence of Society after the Revolution», опубликованной в газете «Freedom» в октябре 1890 года.

В дискуссиях часто возникает вопрос: «Если бы завтра общество стало анархическим, как бы вы его сохранили? И даже если бы оно просуществовало в течение некоторого времени, разве впоследствии, когда первоначальная сила революционных настроений и бдительность иссякли бы, и старые злоупотребления постепенно и коварно стали бы восстанавливаться, какими они были до этого?» На этот вопрос стоит ответить, особенно на последнюю его часть.

Единственный способ достичь состояния Анархии — каждому угнетенному действовать так, как если бы он был свободен, вопреки всем властям, утверждающим обратное, уклоняясь или побеждая с помощью силы всю силу, с которой ему противостоят или преследуют. Свобода каждого создается тем, что он ее берет. Нам приказано держаться определенного порядка; нам запрещено делать определенные вещи; но каждый из нас волен поступать, как ему заблагорассудится, и помогать другим поступать так, как им заблагорассудится, в соответствии с нашими представлениями о том, что правильно. Вслед за тем нас встретят силой, и наши противники будут стремиться лишить нас физической свободы, имея которую мы восстали; но мы обладаем свободой противопоставить их силе нашу собственную. Революция — это вопрос идей, необходимых, чтобы действовать, и силы, позволяющей нам действовать в соответствии с ними. При наличии воли — идей — а также при наличии физического превосходства Революция — это свершившийся факт, будь то в отдельном доме или мастерской, или во всем мире. На практике Революция позволит каждому человеку на революционной территории действовать совершенно свободно, если он того пожелает, без постоянной угрозы препятствования или мести со стороны противоположной силы, поддерживающей прежнюю систему. Наша Революция отличается от любой предвиденной политическими партиями тем, что она не есть результат, официально объявленный после подавления официально противостоящих войск, но факт, состоящий из совокупности индивидуальных побед над сопротивлением каждого индивида, вставшего на пути Свободы. При таких обстоятельствах очевидно, что любая видимая ответная мера может и будет встречена возобновлением тех же революционных действий со стороны затронутых лиц или групп, и поддержание состояния Анархии таким способом будет намного проще, чем достижение состояния Анархии теми же методами, и учитывая до сих пор непоколебимую организованную оппозицию.

Поэтому мы призваны подробно обсудить только ту часть предмета, которая

касается постепенного и временно незаметного возрождения старого зла.

В качестве предварительного ответа скажем, что это зло должно со временем стать ощутимым для тех, кого оно затрагивает, кто не может не осознавать, что в том или ином месте они лишены свободы, которой они пользуются в другом месте, что тот или иной человек черпает из общества все, что только может, и как можно больше монополизируя его, тем самым обделяя других. Они могут провести незамедлительную блокировку, бойкотируя такого человека и отказываясь помогать ему своим трудом или добровольно снабжать его любыми предметами, находящимися в их распоряжении. Они могут оказать на него давление, чтобы добиться от него услуг. Они могут применить против него силу. Они могут воспользоваться этими способами воздействия как индивидуально, так и коллективно. Будучи либо бывшими бунтарями, вдохновленными духом свободы, либо приученными наслаждаться свободой с младенчества, они вряд ли останутся пассивными в виду того, что они считают неправильным. Происходящее разрешилось бы самособой подобно тому, что уже рассматривалось относительно немедленного сохранения Анархии. И, в худшем случае, вряд ли можно предположить, что злоупотребления вырастут в общую систему, подобную той, которая существует в настоящее время, чтобы не вызвать жестокую борьбу. С учетом образования людей, возможностей для общения было бы удивительно, если бы дело зашло наполовину так далеко. Создание существующей системы было вызвано причинами, которые больше не будут действовать.

Первобытный коммунизм был покрыт глубоким невежеством, и хотя прямые источники снабжения были более многочисленны относительно населения, чем сейчас, они также были не только менее продуктивными из-за отсутствия средств, которые позже принесла наука, но и менее легкими в использовании, чем те, которые имеются в настоящее время. Естественное состояние было коммунистическим, но со временем некоторым пришлось в голову отказать другим во взаимном использовании своих ресурсов (кроме случаев присутствия войска во время церемониального приёма гостей), ни в коем случае не отказываясь от своих претензий на развлечение со стороны остальных, и даже принуждая отдать им всё, что они требовали, без учета потребностей тех, у кого они требовали.

В качестве меры защиты от этой агрессии была установлена племенная собственность, что было естественной реакцией, и через неё возникла воинственность. Военная система развила систему вождизма, и из вождизма берет начало, с одной стороны, Государство, а с другой — частная собственность. Из них развился, с одной стороны, феодализм, а с другой — извлечение прибыли; затем, в свою очередь, зародились со стороны феодализма система частного крупного землевладения и со стороны извлечения прибыли меркантилизм, за которым последовал индустриализм, и все это слилось и объединилось в современный, откровенный капитализм. Государство тем временем изменило свой характер и последовательно стало орудием для кражи богатства посредством армии, владения землей (феодалская власть), коммерческой спекуляции, промышленной эксплуатации, а в последнее время — обмана народных масс. Оно никогда не было ничем иным, как машиной для грабежа и еще машиной для произвольного подавления свободы мысли, слова и действия.

Старый инстинкт Коммунизма не был в достаточной мере искоренен традицией собственности, чтобы люди могли понять, что они совершают что-то плохое, насильственно

присваивая собственность другого племени, но он был достаточно ослаблен, чтобы помешать им иметь должное и естественное уважение к совокупности чужих людей, хотя с отдельными незнакомцами все же обращались гостеприимно. Причиной этого было то, что немногие агрессивные племена, изолированные от остальных, могли строить планы и посылать свои грабительские банды для нападения на не ожидавших такого, и, лишая неагрессивные племена очень часто всех накопленных средств существования, что заставляло тех относиться со подозрением и ревностью к тем, кто не принадлежал к ним самим; и те, кто имел лучшую возможность выжить, были эгоистичными и способными спрятать то, что они смогли спасти от разорения, или то, что они впоследствии приобрели у своих товарищей, или защитили свои запасы крепостями; и из остальных, те, кто перебрался в места по соседству с крепостями и, таким образом, впитали кое-что из природы и традиций строителей укреплений (поскольку самые эгоистичные, ревнивые и подозрительные, естественно, первыми воздвигали эти укрепления), имели больше шансов выжить в совокупности, чем те, кто этого не сделал.

Поэтому было легко убедить людей присоединиться к первобытным грабителям ради добычи; сегодня, как мало количество тех, кто может соблазниться надеждой на прямое насильственное ограбление, даже там, где нет страха наказания и мало страха перед успешным противодействием — например, в Африке, которая сейчас еще более доступна из других континентов, чем место в нескольких десятках миль от нас во времена наших праотцов! Во-первых, идея грабежа теперь противна общественной мысли; опять же, трудности на пути, хотя и гораздо меньшие, чем те, с которыми приходилось сталкиваться нашим предкам в своих воровских походах, вызывают отвращение как из-за большей легкости, с которой все, кроме самых угнетенных, могут получить едва достаточный минимум, удовлетворяющий обычные жизненные потребности, так и по причине изменения физической культуры и телосложения людей в целом.

Таким образом, условия сейчас настолько изменились, что практически невозможно рационально представить себе повторение событий, приведших к существующему состоянию общества. Если какое-либо зло действительно возникает, чтобы со временем стать тиранической системой, его природа должна быть совершенно отличной от всего, что мы можем представить в настоящее время. Сравнительно плотное заселение Земли, почти всемирная коммуникация, как обычное явление повсюду, сами по себе являются, по-видимому, непреодолимыми препятствиями для процесса, посредством которого собственность и власть возникли ранее.

Более того, мы знаем, что воздействие Свободы вызывает не только, как и любое другое общее дело, развитие братства и солидарности среди её приверженцев, но и изменение ментальных наклонностей, так что каждый истинный Анархист чувствует, что сознательно угнетать другого человека или вмешиваться в чью-либо свободу действий — это против его сущности; и, вообще говоря, для него это так же невозможно, как для молодого человека избежать влечения к противоположному полу или для матери наслаждаться мучением своего ребенка. У нас есть все основания полагать, что этот импульс, пробуждающийся с большей интенсивностью, чем те, грубо эгоистичные, которые, как упоминалось, возникли в ходе эволюции, будет передаваться, подобным, по наследству — столь же легко и в

большей степени — и, будучи выгодным, будет болееустойчивым, чем те были.

Поэтому мы не видим причин подозревать, что либо прежнее положение вещей, либо любоедругое, столь же пагубное, возникнет, когда однажды институты, которые сейчас угнетаютчеловечество, будут полностью уничтожены, но, напротив, мы видим причины полагать, чтосвершение Революции ознаменует начало новой эпохи человеческого прогресса. Даже если быэто было не так, то стоило бы бороться на благо тех, кому удалось бы одержать победу в борьбеза свободу, и нескольких последующих поколений. Мы не можем постановлением регулироватьсостояние последующих поколений; наши потомки должны сами позаботиться об этом. Но есликаждый из нас решает стать свободным и завоевать собственную свободу, история и наука даютнам понять, что нам ни в коем случае не нужно лишаться дополнительного побудительногомотива, который нам поможет построить свободу и благополучие тех, кто последует за нами.